

На правах рукописи

Зайцева Елена Николаевна

**НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА УДМУРТОВ
В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.**

Специальность 07. 00. 07 -
этнография, этнология, антропология

Зайцева

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
"Удмуртский государственный университет"

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор
Владыкин Владимир Бмельянович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Никонова Людмила Ивановна

кандидат исторических наук, доцент
Плеханова Елена Олеговна

Ведущая организация - ГОУВПО «Глазовский
государственный педагогический
институт им. В.Г. Короленко»

Защита состоится "21" декабря 2004 г. в 12.00 часов на засе-
дании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУВПО "Удмурт-
ский государственный университет" по адресу: 426034,
г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО
"Удмуртский государственный университет"

Автореферат разослан "19" ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
К. И. Н., доцент

Г.Н.Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Народная медицина включает в себя эмпирические знания, практические приемы диагностики, способы и средства предотвращения и устранения нарушений здоровья человека, основанные на использовании в целительстве уникальных возможностей естественной окружающей среды и ресурсов человеческого организма. Эта одна из форм существования и развития медицинского знания, проверенного практикой на протяжении веков. Многие приемы и методы врачевания сохранились до сегодняшнего дня в практике народных целителей, обогатившись за счет научной диагностики и медицины, они используются в повседневном врачевании на бытовом уровне. Значимость изучения народной медицины определена далеко не исчерпанными возможностями использования этого опыта в клинической медицине.

Кроме того, в сложившейся кризисной ситуации, охватившей все сферы современного общественного бытия, многие люди все чаще обращаются к богатому опыту своих предков, на протяжении веков реализовывавшему гарантированно стабильное существование как отдельных индивидов, так и этноса в целом.

Сфера народной медицины выступает также богатейшим источником информации, который может значительно обогатить представление о религиозно-мифологической картине мира этноса в целом.

Объектом исследования является удмуртский этнос, в силу ряда природных и исторических обстоятельств долгое время сохранявший в относительной неприкосновенности свою традиционную культуру.

Предмет исследования - народная медицина удмуртов как комплекс мировоззренческих установок и конкретных мероприятий - профилактических и лечебных, способствующих поддержанию физического и нравственного здоровья удмуртского этноса.

Цель диссертационной работы заключается в этнологическом анализе особенностей народной медицины удмуртов. В соответствии с целью выделяются следующие **задачи**:

1. Определение факторов формирования медицинской культуры удмуртского этноса;
2. Установление традиционных взглядов на причины возникновения болезней (выявление этиологического фактора);
3. Рассмотрение роли, статуса и функций института врачей в удмуртской этномедицине;
4. Описание традиционных методов предупреждения и лечения заболеваний.

Хронологические рамки исследования определяются двумя основными факторами. Во-первых, наличием обширного источникового материала, который позволяет анализировать изучаемую проблему с конца XIX в. (нижняя граница). Во-вторых, началом коренных преобразований в стране в 30-гг. XX столетия, которые привели к ломке традиционного уклада крестьянской жизни, к модернизации удмуртской культуры (верхний временной рубеж). С установлением советской власти развивается сеть медицинских учреждений, со временем во многом сменившая институт знахарства у удмуртов.

Методология и методика исследования. Исследование опирается на теоретико-методологические разработки ведущего отечественного исследователя Ю.В. Бромляя (1973, 1976, 1981), который заложил основы изучения проблематики.

Работа базируется также на публикациях, посвященных изучению региональных медицинских моделей, проводившихся на материалах традиционных культур разных народов (исследования М.Д. Торэн, В.Г. Бирючева, А.М. Григорьевой, И.В. Ильиной, Н.Е. Мазаловой, Л.И. Никоновой).

Большое влияние на разработку теоретической части оказали изыскания зарубежных исследователей (E. Askerknecht, L. Nonko, M. Noppal, E. Wolff).

В качестве основного методологического принципа в работе использован системный подход к изучению элементов культуры. Системный подход определил необходимость комплексной характеристики понятия "народная медицина" как сложной материальной, культурной, психологической, мировоззренческой системы. С другой стороны, традиционное врачевание было рассмотрено в качестве одного из элементов традиционной культуры.

Также был применен сравнительно-исторический метод в сочетании с методическими приемами полевой этнографии - наблюдением, экспедиционным опросом. Использовался также метод "включенного наблюдения": автор сам является представителем этноса и носителем его культуры. Метод "экспертных оценок" позволил проанализировать взгляды современных работников здравоохранения на бытование народной медицины сегодня.

Источники. В ходе изучения поставленной проблемы был привлечен широкий круг взаимодополняющих источников. В первую очередь, это опубликованные исследования ученых. К изданным *письменным источникам* можно отнести наблюдения исследователей и путешественников XVIII в. - Г.Ф. Миллера,

П.С.Палласа, И.Г. Георги, Н.П.Рычкова, а также публикации о жизни и быте удмуртов, которые были осуществлены представителями власти и священниками. В качестве этого типа источников могут быть использованы исследования ученых XIX в., они интересны и важны тем, что их авторы создавали свои произведения на основе личных наблюдений, многие из них отличаются ценными подробностями. Это работы Д.Н. Островского, В.С. Кошурникова, В.М. Бехтерева, Г.А. Потанина, Г.Е. Верещагина, Н.И. Тезякова, П.М. Богаевского, Б. Гаврилова, М.Т. Буха, Н.Г. Первухина.

Фольклорные источники представлены материалами, которые нашли свое отражение в работах Г.Е. Верещагина, Б.Гаврилова, Н.Г. Первухина, В.К. Кельмакова, а также современными сборниками фольклорных текстов (Н.П. Кралина 1960; Т.Г. Владыкина 1998). В качестве источников этого типа использовались заговоры, полученные автором от информаторов в процессе полевой работы.

Архивные материалы. Используются материалы двух архивов - Государственного архива Кировской области (ГАКО) и Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР). Главный архив Вятского региона - Государственный архив Кировской области содержит сведения по интересующей теме главным образом в фонде Вятского губернатора, фонде Вятской ученой архивной комиссии и фонде Вятской губернской врачебной управы (1797-1805 гг.). Это отчеты чиновников, циркуляры, различная документация врачебной управы. Были также изучены и привлечены в работе Вятские губернские ведомости за 1838-1889 гг. с публикациями М.Фармановского, Н.Н. Блинова, Н.Г. Первухина

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики автором обработан материал, касающийся формирования земской

медицины на территории Удмуртии. Это отчеты земских врачей, стенограммы заседаний съездов врачей, журналы уездных земских собраний. Благодаря материалам архива, удалось воссоздать картину зарождения и развития института земской медицины в нашем крае.

Автором использован также собственный *полевой материал*, собранный на протяжении 1997-2004 гг. В основном, это сведения по южным районам Удмуртской Республики: Алнашскому, Граховскому, Малопургинскому. Север республики представлен исследованиями в Глазовском районе УР. Информаторами являлись пожилые люди, родившиеся, в основном, в первой трети XX в. и отлично помнящие культуру и быт первой половины XX в., сохранившие сведения по воспоминаниям своих предков. Были использованы также некоторые данные, записанные от информаторов конца 60-х - 70-х годов рождения, получивших их от своих бабушек и дедушек.

Степень изученности проблемы. Проблема народной медицины не нова для отечественной этнографии, начало ее изучению положено еще в конце XIX - начале XX в.в. работами В.М. Флоренского (1879), В.Ф. Демича (1889, 1894, 1899, 1911), А. Ветухова (1907), Н.Ф. Высоцкого (1911). В дореволюционное время отечественные ученые интересовались народной медициной преимущественно русского народа. В советской науке долгое время изучались лишь прикладные аспекты народного врачевания, например, изучалась фитотерапия и применение ее на практике: А.Я. Губергриц 1953; А.Ф. Гаммерман 1963; В.Г. Махлаук 1967 и др., а также история медицины: Н.А. Богоявленский 1960; П.Б. Заблудовский 1960; М.П. Мультиановский 1961; Ф.Р. Бородулин 1961; Б.Д. Петров 1962. Начиная с 60-х годов XX в., появляется ряд публикаций, посвященных исследованию региональных медицинских систем. Отмечается следующая тенденция: если

первые работы советского периода были направлены в основном на изобличение антинаучной, суеверной и в целом нездоровой сути знахарства, деятельности "неграмотных бабок", приносящих своей работой лишь вред (Л.И. Минько 1969, 1971), то в пореформенный период этнографы стремятся дать объективную картину народной медицинской культуры, рассматривают санитарно-гигиеническую культуру, изучают приемы врачевания (А.М. Григорьева 1996; И.В. Ильина 1997; Л.И. Никонова 1995, 1997, 2000а, 2000б; Г.И. Мальцев 2004), пытаются вычленить этническую составляющую этномедицины (Л.И. Никонова 2003).

В 1970 - 1980-х гг. выходят в свет основополагающие работы, определившие теоретическое обоснование проблемы. Прежде всего, это исследования Ю.В. Бромлея (1973, 1976, 1981), а также работы по проблемам этноэкологии, изучающей особенности функционирования этносов в природных и социальных условиях их обитания (Н.Н. Чебоксаров 1985, И.И. Крупник 1989, С.А. Арутюнов 1989, В.И. Козлов 1994).

Народная медицина удмуртов до недавнего времени не являлась предметом специального исследования этнографов, однако, фрагментарные сведения встречаются у разных авторов, начиная с XVIII в., когда появляются первые краткие письменные сведения об удмуртах и их культуре (Н.П. Рычков 1770, Г.Ф. Миллер 1791, И.Г. Георги 1799).

Некоторые аспекты традиционного врачевания рассматриваются в трудах Д.Н. Островского (1873), В.М. Бехтерева (1880), Б. Гаврилова (1880), В. Кошурникова (1880), М.Т. Буха (Buch 1882), Г.Н. Потанина (1884), Н.Г. Первухина (1888), Г.Е. Верещагина (1896, 1995, 1996, 2000), И. Васильева (1906), А.И. Емельянова (1921), К. Герда (1997).

Современная разработка тематики связана с работами

Г.А.Никитиной. В своих исследованиях она подвергла рассмотрению применение удмуртами лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения (1991, 1993, 1994), описала представления о носителях народных медицинских знаний в области врачевания: шаманах, знахарях, массажистах, костоправах, повитухах и колдунах (1993), проанализировала мифологические представления в народной медицине удмуртов (2003).

В ряде работ В.Е. Владыкина содержится материал по исследованию народной медицины удмуртов в контексте их религиозно-мифологических представлений (1970,1994).

В последнее время появились публикации, в которых рассматриваются сакральные лица удмуртской этнокультуры, их функции, роль, статус (Т.Г. Владыкина 1998, 2001, 2003), жанр заговоров и заклинаний (В.К. Кельмаков 1981,1990; Т.Г. Владыкина 1998). Они позволяют анализировать явление с иной (фольклорно-лингвистической) точки зрения и с привлечением дополнительных источников.

Научная новизна. Предлагаемое исследование является первой попыткой комплексного этнологического анализа народной медицины удмуртов. Впервые рассматриваются сюжеты, касающиеся санитарно-гигиенической культуры удмуртов. Впервые анализируются проблемы статуса и функционирования сакральных лиц в контексте практики врачевания. Впервые комплексно рассмотрен такой сложный сюжет как этиологический фактор в традиционной медицинской культуре. Кроме того, диссертация вводит в научный оборот обширный новый полевой материал. Общие заключения и выводы, сделанные в работе, позволяют полнее представить картину мира удмуртов, особенности их

мировоззрения, духовной и материальной культуры.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее основные выводы могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории, социологии и этнографии удмуртов, учебных пособий по регионоведению, разработке общих и специальных курсов по истории и культуре удмуртского народа.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования получили свое отражение в 10 публикациях. Различные сюжеты работы доложены автором на конференциях регионального и международного уровня в Глазове, Ижевске, Сыктывкаре, Самаре, Омске, Москве.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры этнологии и регионоведения Удмуртского государственного университета.

В структурно-композиционном плане диссертация состоит из введения, четырех глав, соответствующих основным проблемно-целевым направлениям исследования, заключительного раздела и приложения.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность темы, объект, предмет, хронологические рамки исследования, ставятся цели и задачи, определяются методология и методы, степень изученности проблемы, научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе анализируются факторы формирования медицинской культуры удмуртского этноса.

Первый раздел посвящен рассмотрению природно-географических, хозяйственных и культурных условий существования удмуртского этноса.

Считается, что существование в определенной природно-географической среде определило некоторые черты этнического характера удмуртов: скрытность, сдержанность, флегматичность, терпеливость, упорство. В условиях непростого экономического положения, давления на духовный мир народа (колонизация края и насильственная христианизация), его религию и культуру, удмуртский этнос ориентируется на обеспечение физического и, главным образом, психологического выживания, постулат *"чиданы кулэ"* ("надо терпеть") становится в значительной мере его жизненной парадигмой.

Кроме того, экологически и исторически детерминированная неразвитость систем коммуникаций между удмуртами и внешним миром явилась условием сохранения и консервации архаической культуры, в том числе такой ее составляющей, как народная медицина.

Разделы второй и третий характеризуют зарождение и развитие в Удмуртии профессиональной клинической медицины в двух исторических вариантах: медицине земской и советской. К началу XX в., благодаря земско-медицинскому делу, в Вятской губернии квалифицированная медицинская помощь стала доступна широким слоям населения нашего края, чему способствовали организованная сеть лечебных учреждений, принцип дифференцированной оплаты медицинских услуг и медикаментов, часто подвижнический самоотверженный труд медицинского персонала. С поставленными задачами (внедрение в быт научной медицины, борьба со знахарством и "страхом деревни перед больницей и врачом") земская медицина справилась вполне успешно. Однако по уровню развития медицины, Удмуртия все же отставала от большинства, особенно центральных, регионов России. Основной причиной этому было недостаточное финансирование, обусловленное

невысоким социально-экономическим уровнем развития Вятской губернии в целом, к тому же крестьянство в своей массе в силу бедности и приверженности традиции, незнания языка, по-прежнему негативно относилось к медицинским учреждениям и персоналу, что, несомненно, тормозило развитие медицины.

Советская система здравоохранения добилась того, что не удалось земской. Она сделала квалифицированную медицинскую помощь бесплатной, доступной для большей части населения, и фактически заменила собой институт знахарства. Благодаря налаженным действиям к началу тридцатых годов XX столетия была заложена основа для профилактических и оздоровительных мероприятий и были созданы предпосылки для широкого развертывания сети медицинских учреждений в крае, в том числе и специализированных.

Во второй главе рассматриваются категории народных врачей в этнокультуре удмуртов, то есть лица, связанные с традиционной лечебной практикой. Некоторый запас сведений в области врачевания имелся в каждой семье, обычно ими владели люди, хорошо знавшие лечебные средства и способы ухода за больными. Подобные знания и умения хранились и передавались из поколения в поколение и по своему характеру являлись в основном рациональными. Носителями "профессионализма" в медицине традиционного удмуртского общества выступали люди, связанные с религиозно-магической практикой, обладавшие так называемыми "тайными знаниями": знахари "*пеллякись*", отчасти колдуны "*ведий/еретник*" и шаманы "*туно*". Все они, включая также языческих жрецов "*вõсясей*", составляют своеобразный "институт посвященных". Имеются в виду те тайные знания и умения, которыми якобы владеют названные лица. Неслучайно в удмуртском языке общим обозначением для лиц, связанных с

сакральной сферой, служит термин *"тодисъ"* - букв, "знающий". По классификации Т.Г. Владыкиной, колдун *{ведун/вегин, ересъ}* по уровню своих знаний находится на низшей ступени, затем следует знахарь *(пелляськисъ)*, ворожец и прорицатель *туно* представляет третью степень знания и умения, наконец, высшей и очень редкой степенью обладает *туно-пеллё*, умеющий и прорицать, и излечивать самые тяжелые недуги [Владыкина 2001:9-10].

Первый раздел посвящен характеристике фигуры знахаря *пелляськисъ*. Среди удмуртских знахарей *"пелляськисъ"* имелась специализация: повитух называли *"гогы анай"*, *"гогы мумы"*, *"бабушк а"*. Знанием хирургических приемов обладали специальные люди: их называли по-разному в зависимости от их "специализации": *"кот кыскасъ"* ("массажирующая живот"), *"кот тупатъясъ"* ("выправляющая живот"), *"пинь енатисъ, пинь висъыку пеллясь"* ("лечащая зубную боль"), *"йыршуккисъ"* ("вправляющая голову"). Общее обозначение для лекарей - *"пелляськисъ"* (*"пеллясь"*, *"эмъясь"*, *"эмчи"*, *"абыз"*, *"туно-пеллё"*) - от удм. *"пелляны"* - дуть, нашептывать и *"эмъяны"* - лечить.

Практика знахарства основывается на сочетании рациональных и иррациональных методов лечения. Разница между ними условна: обрядовое лечение несет сильный психотерапевтический заряд, а конкретная медицинская помощь всегда подкреплялась магическими приемами. Как правило, знахарство в народном сознании не связывалось с обладанием неким особым, "тайным", знанием, и образ *пелляськисъ* не носил ореола таинственности и "посвященности", хотя в отношении к *пелляськисъ* имелась определенная доля осторожности: *"Если умеет лечить, то и колдовать может"*, - говорили удмурты.

Во втором разделе рассматривается личность колдуна *ведина/вегина*. Зачастую знахарю (*"пелляськисъ"*) приписываются черты,

традиционно характеризующие колдуна ("*ведин*"), т.е. способность насылать порчу, делать "отвороты", разлучать семьи. Строгое различие их на эмпирическом уровне во многих этнических традициях оказывается невозможным, поскольку все/часть функций могло выполнять одно и то же сакральное лицо. Практически эту ситуацию мы встречаем и на удмуртском материале.

С просьбой об излечении к колдуну обращались в исключительных случаях, когда знахарь помочь не смог, особенно в случаях, когда этиология болезни связывалась с порчей сильного колдуна. Существовало понятие "колдовских" болезней. Это были недомогания неясной этиологии, внезапные, стремительно развивающиеся, не имеющие положительной динамики, несмотря на проводимое лечение, связанные с психосоматической сферой.

Обращаться к колдуну за помощью не считалось грехом. В отличие от знахаря, по представлениям удмуртов, колдун ищет выгоды от своего занятия: богатства, власти, силы, но и расплата за все эти земные блага тяжела. В смерти колдун отделен от остальных людей, смерть его мучительна, бытует поверье, что колдун не может умереть, пока не передаст свою силу кому-либо другому, поэтому старались ничего не брать из рук умирающего колдуна. Даже после смерти колдун не знает покоя и вынужден вставать из своей могилы, превращаясь в страшного вампира (*кулэм убир*), чтобы снова вредить людям. Для предотвращения таких событий у удмуртов, как и у других народов, в могилу вколачивали осиновый кол, подрезали жилы покойного.

Третий раздел рассматривает фигуру *туно* (удм. "*тунаны*" - ворожить, гадать). *Туно* принято считать удмуртским шаманом [Владыкин 1994; Владыкина 2001]: по технике гадания ("общение с духами"), по способу получения знаний ("посвящение", "шаманская болезнь"), по его положению в обществе (уважение,

почет, но и отделенность/отличность от остальных). *Туно* - посредник между людьми и дугами, гадал о месте новой куалы, назначении нового жреца, о пропаже людей и скота, имел огромный, непререкаемый авторитет.

В целом, удмуртскому *туно* приписывались более сильные способности, чем *пелляськись* и *ведйну* ("*Все, что может делать пелляськись, делает и туно, но не наоборот*", - считали удмурты), но занятие знахарством было для него не характерным для того периода, когда удмурты уже стали объектом внимания исследователей. Вероятно, это связано с утратой *туно* многих функций, с все большей специализацией в культовых делах - жрецов, а в лечебной практике - знахарей.

Стать "посвященным" и даже могущественным, обладающим максимумом знаний и умений, можно лишь при условии серьезных испытаний, как правило, довольно сильных психических потрясений, а также испытаний, связанных с какими-либо физическими нагрузками или даже повреждениями. Хорошо известная в этнографии "шаманская болезнь" не что иное, как проверка физических и душевных качеств инициата. Это касалось у удмуртов, в первую очередь, таких сакральных персон, как *туно* и *ведйн*.

В целом, все указанные лица были включены в социум и являлись как бы рядовыми общинниками, имели семьи и вели хозяйство. Были это люди опытные, сведущие в житейских делах. Никакой особой выгоды от своей деятельности они не имели, жили за счет основных занятий, характерных для местного населения. Внешне особые качества и способности этих людей никак не проявлялись. Имеется немало свидетельств того, что деятельность сакральных лиц не связана напрямую с экономической выгодой. Занятие шаманством, целительством иногда вроде бы даже мешало

в хозяйственной и промысловой деятельности человека, а отказаться от "побочного" занятия эти люди не имели права. Хотя, конечно, эти люди приобретали огромный социальный авторитет, который также мог становиться экономической категорией.

Третья глава посвящена анализу традиционных взглядов удмуртов на проблемы здоровья и причины возникновения заболеваний (этиологическому фактору).

Первый раздел раскрывает анатомические представления удмуртов. Существовала развитая система обозначения внутренних органов, для всех внешних частей тела были свои наименования. На древность анатомических представлений пермских народов указывают данные языка: система антропотоминимической лексики удмуртов, включающей сомонимическую (обозначающей части тела), спланхнонимическую (для обозначения внутренних органов), остеонимическую (обозначающую кости скелета), ангионимическую (обозначает кровеносную систему), сенсонимическую (для обозначения органов чувств), характеризуется высокой степенью исконности и древности. Самые древние исконные названия восходят к уральскому (VI-IV тыс. до н. э.), финно-угорскому (до к. III тыс. до н. э.) и финно-пермскому (до сер. II тыс. до н. э.) праязыку.

Антропотоминимическая лексика развивалась преимущественно на основе внутренних ресурсов, русские заимствования встречаются в основном в печатных лексикографических источниках, являющихся переводными с русского языка на удмуртский или в специальных изданиях, где стремятся обозначать наряду с общеизвестными такие понятия, которые в массовом языковом сознании отсутствуют: дентин, эмаль, слепая кишка и пр.[Ракин 1990,1995,1996]. Это, несомненно, свидетельствует о развитости антропотоминимических

представлений, их "востребованности" в повседневной практике, об умении удмуртов различать внутренние и внешние органы человека и, следовательно, диагностировать их заболевания.

Во втором разделе рассматривается санитарно-гигиеническая культура удмуртов. Забота о чистоте тела, жилища, дворового пространства - неременная черта, определяющая принадлежность к очеловеченному, окультуренному миру. Традиционные представления о санитарии и гигиене закреплялись в форме обычаев, семейных и общественных обрядов, религиозных предписаний и ряда запретов и играли существенную роль в жизни этноса. Санитарно-гигиенические навыки и представления мы можем отнести к системе превентивных и профилактических мероприятий, являющихся частью традиционной медицинской культуры и имеющих не меньшее значение, чем лечение уже возникших болезней.

В отношении жилища гигиенические действия совершались женщинами. Полы мыли шелоком, скребли голиком (веником без листьев, из одних прутьев) или ножом - до идеальной чистоты. Пол терли песком, золой, камышом. Стены и потолок в доме усердно мыли и скребли обычно лишь раз в году - к празднику Пасхи. При проведении такой работы распространен был обычай *веме* - помочи. Ежедневная уборка помещения сводилась к подметанию полов.

Для избавления от грызунов и насекомых применялись следующие средства: полынь ("*польнь*"), донник ("*урботурын*"), ягоды бузины ("*серыпу*"), керосин. От тараканов применяли также и выстуживание дома.

Освещались избы с помощью лучины, которая давала в общем довольно скудное освещение, однако уже в последней четверти XIX в. начинает применяться керосиновое освещение. В каждом

доме имелся умывальник. Умыться было принято после выполнения всех видов работ, утром после сна, а также существовало требование ритуального умывания - после участия в похоронах.

К комплексу очистительных процедур следует отнести также стирку белья. Для стирки использовали щелок "*пень ву*" (зола, заваренная кипятком), полоскали в открытых водоемах, в проточной воде.

Особую роль в гигиенической культуре народа играла баня. Мытье в бане - неперемнная часть свадебного и похоронного обрядов, в бане обязательно мылись перед молением: бане приписывались очистительные функции. Кроме вышеперечисленных ритуальных функций, баня имела, конечно же, утилитарное значение, и была очень популярна у всех финно-угорских народов, в том числе и у удмуртов. Мылись мочалкой из липового лыка, волосы мыли квасом, арьяном (кислое молоко), щелоком, бардой (отходы после варки кумышки).

Околожилищное пространство - двор, надворные постройки содержались в чистоте за счет регулярного подметания, уборки. Чистоте вне жилища предъявлялись не столь строгие требования, т. к. пространство около дома было уже более удалено от человека, от его мира, которое необходимо было поддерживать в чистоте. Дом - как убежище, давал чувство защищенности от внешнего, порой враждебного мира, в силу своего высокого семантического статуса дом требовал особого отношения к себе [Орлов 1999]. К тому же внежилищное пространство подвергалось гораздо большей хозяйственной эксплуатации.

Традиционные гигиенические представления удмуртов - существенный по своей важности пласт медицинской культуры этноса. Они играют важную роль в предупреждении

возникновения заболеваний, обеспечивают стабильное, безопасное и комфортное существование народа.

Третий раздел посвящен этиологическому фактору, т.е. представлениям народа о причинах возникновения заболеваний.

Само понятие "здоровье" - *тазальк* имело, прежде всего, утилитарное значение, обозначало способность много и продуктивно работать, обладание физической силой и выносливостью, т.е. отсутствие болезни (ср. бинарную оппозицию мощный-немошный). Таким образом, здоровье мыслилось как норма, а здоровый человек - как человек гармоничный, совершенный. В жизни крестьянина здоровье - самая главная ценность, болезнь нарушает равновесие ежедневного разделения труда внутри человеческого коллектива, будь то семья или род. В традиционном обществе здоровье рассматривается в социальном плане. "Принятое" в обществе поведение служило своего рода гарантом хорошего здоровья, напротив, нарушение общепринятых норм вело к неизбежному наказанию, о постоянно болеющем человеке могли сказать: *Сӧлыкез трос дыр* ("Наверное, у него много грехов"). В то же время существовало фаталистическое

отношение к здоровью: *"Инмар тазальк сӕтиз ке"* ("Если бог даст здоровья"), *"Адзонэз сыче"* - "Судьба такая", *"Тылӕсь но висӕнлесь сандыке уд пегзы"* ("От огня и болезни в сундук не спрячешься").

Воззрения удмуртов на смерть отражают ее неотвратимость. Кончина по старости воспринимается как естественное завершение земного существования/цикла. Смерть в результате несчастного случая, а тем более самоубийства, считались аномальными.

По представлениям удмуртов, некоторые приметы могли "предсказать" скорую смерть (сновидения, необычное поведение животных, различные звуки). Эти поверья были отражением традиционного комплекса представлений о связи мира живых с

предметами окружающего мира, о влиянии всех на всё, о возможности и реальности воздействия мира живых на "неживой" мир и наоборот.

Возникновение заболеваний (нарушение здоровья) могли связывать как с рациональными причинами: объяснение "простудой", с которой ассоциировались разные по этиологии, но похожие по симптомам (жар, кашель, слабость) болезни: грипп, туберкулез, бронхо-легочные заболевания; появление усталости, ломоты в суставах, получение травм, ушибов, ссадин, ранений; "надсады", поясничные боли, аппендицит, так называемая "грыжа" и боли в конечностях также соотносились с объективными причинами. Иррациональное, с современной точки зрения, объяснение болезней было характерно в отношении инфекционных, психических, детских и внезапных недомоганий.

Целая группа болезней ассоциировалась с духами: *Кыж, Кыль, Кезег, Чер, Чача, Дэй*. Анимистический характер этиологического фактора в удмуртской народной медицине отмечен исследователями [Владыкин 1994:135]. Духов-виновников болезни умилостивляли с помощью жертвоприношений, также существовал ряд превентивных мероприятий. К примеру, чтобы не впустить заразную болезнь во двор, в ворота втыкали косы, серпы, подковы, пихтовые ветки; двери, одежду и волосы мазали веществами с неприятным запахом, т.к. считалось, что болезнь как существо живое не любит резких запахов.

Огромную роль в этиологическом факторе играет культ предков. Неуважительное отношение к ним может стать причиной серьезных нарушений здоровья. С влиянием умерших на живых связано представление о так называемых "заложных покойниках" - людях, умерших раньше отведенного им жизненного срока - самоубийцах, опойцах, проклятых родителями, пропавших без

вести. У удмуртов к культу "заложных" можно отнести представление о *Куміс* и Убир (*Кулэм-Убир*).

При возникновении тяжелого заболевания, психического расстройства, считалось, что у человека "душа ушла" - "*уртэз кошкем*". Для лечения туно проводился обряд "поиска души".

Утрата здоровья связывалась также с нарушениями временных табу (периоды *акшан*, *вожо*, *инвожо*). Это переходные состояния типа "уже не ... еще не" или середины временного отрезка, характеризующиеся наибольшей неопределенностью и опасностью. С угрозой заболевания связан запрет на некоторые виды работ в определенные дни недели (среда, воскресенье).

Представители нечистой силы (лешие, домовые, полевики, бесы) влияли на возникновение ряда опасных заболеваний. "Откупом" для них служила домашняя птица.

Отдельный класс заболеваний связывался с представлением о "сглазе" и "порче". Результатом как порчи, так и сглаза была внезапная болезнь, человек худел, терял силы без видимой причины. Болезни подобной этиологии считались наиболее опасными, так как опознать и вылечить их мог только сильный знахарь *пелляськись* или ворожец *туно*, или даже колдун *ведійн*.

Полагали, что человека окружают враждебные существа и природные явления, поэтому ему необходимо постоянно принимать меры по поддержанию стабильности, безопасности и порядка в своем маленьком мирке. Отсюда - предохранительные магические обряды, сложные ритуалы, сопровождающие рождение и смерть человека, его ежедневную производительную деятельность; они посвящены изгнанию болезни в "чужой" мир - мир, откуда она пришла.

В четвертой главе рассматриваются традиционные методы лечения заболеваний.

Первый раздел посвящен диагностированию и прогнозированию заболевания как с помощью утилитарных (осмотр, ощупывание, расспрос), так и магических способов (гадание). В большинстве случаев причина болезней выявляется в нарушении норм поведения, злонамеренных действиях недоброжелателей, случайных, неблагоприятных событиях или явлениях природы.

Для составления прогноза опытный знахарь мог использовать разные источники информации. Например, разнообразную информацию, способствующую прогнозированию, могли содержать сновидения, поведение больного или членов его семьи, домашних животных. Прогнозированием состояния здоровья на год занимались в ночь на Великий четверг, перед Ивановым днем, во время рождественских гаданий.

Разделы второй - восьмой характеризуют лечебную составляющую удмуртской этномедицины. Для лечения употреблялись как рациональные эмпирические методы, основанные на применении средств растительного, минерального и животного происхождения, продуктов человеческой жизнедеятельности, так и магические. Причем арсенал рациональных средств был необычайно широк и диапазон их использования был весьма разнообразен. Распространенность рациональных методов лечения с помощью средств растительного, животного и минерального происхождения не исключает того, что многие методики лечения сопровождались чтением заговорных формул и совершением некоторых обрядов. Такая схема целиком и полностью укладывается в так называемый мифологический образ мышления и поведения и соответствует типу магической медицины, свойственной любой традиционной устной культуре. Магия была той силой, которая способна воздействовать на

окружающий мир, нейтрализовать его вредное влияние, как, например, в случаях с болезнями и эпидемиями людей и животных.

В народной медицине удмуртов существовали некоторые специализированные виды лечения: терапия, физиотерапия, массаж, хирургия, родовспоможение.

В заключении подводятся общие итоги, подчеркиваются основные структурно-этапные моменты исследования, а также высказываются некоторые предложения, касающиеся дальнейших перспектив.

В качестве примеров исследовательских проблем будущего можно отметить изучение специальных областей народной медицинской культуры (акушерство, гинекология, хирургия), разработку соматических представлений удмуртов; рассмотрение такой целостной системы как человеческое тело с точки зрения жизненного цикла: рождение - жизнь - смерть и т.п.

Будущее данных исследований связано с подключением к разработке темы ученых корреспондирующих дисциплин - историков, социологов, антропологов, врачей разных специальностей, психологов, фольклористов, биологов и т.д., что позволит полнее обрисовать картину функционирования народной медицины удмуртского народа.

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Воронцова Е.Н. Пространственная соотнесенность лечебных действий в народной медицине удмуртов // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых: Тез. докл. - Самара, 1999. - С. 144-146.

2. Воронцова Е.Н. Традиционные представления удмуртов об этиологии заболеваний // Диалог культур и цивилизаций: Тез. докл. науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. - Тобольск, 1999. - С. 9-10.
3. Воронцова Е.Н. Знахари и знахарство у удмуртов // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Приуралья: Тез. докл. регион. науч. конф., поев. Д.К.Зеленину - Глазов, 1999. - С. 5-7.
4. Воронцова Е.Н. Народные врачеватели удмуртов // 4-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Тез. докл. - Ч. I. - Ижевск, 1999. - С. 66-67.
5. Воронцова Е.Н. Институт "посвященных" в системе традиционного удмуртского общества // Вестник Удмуртского университета. - Ижевск, 1999. - № 7. - С. 64-69.
6. Воронцова Е.Н. Удмурт калык эмъяськон амальёс // Вордскем кыл. - 2000. - № 5. - С. 86-88.
7. Зайцева Е.Н. Народная педиатрия удмуртов: прошлое и настоящее // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл., Нальчик, 20-23 сент. 2001 г. - М., 2001. - С. 157.
8. Зайцева Е.Н. Культ предков в традиционной медицине удмуртов // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: VIII Всеросс. науч. конф. студентов и аспирантов. - Сыктывкар, 2003. - С. 22-24.
9. Зайцева Е.Н. Санитарно-гигиенические представления удмуртов // V Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл., Омск, 9-12 июня 2003 г. - М, 2003. - С. 238.
10. Зайцева Е.Н. Категории врачевателей в народной медицине удмуртов // Этнос - Культура - Человек: Междунар. науч.-практ. конф., посв. 60-летию В.Е.Владыкина. - Ижевск, 2003. - С. 168-173.

Подисано в печать 15.11.2004г. Формат 60x84 Печать офсетная.
Заказ № 216. Тираж 100 экз.
Редакционно-издательский отдел
Камского института гуманитарных и инженерных технологий
426003, г. Ижевск, ул. Береговая, 17.